

Роль и политика Австралии в АТР

© 2017

В.К. Сова

В статье рассматривается процесс формирования новой стратегии политического развития Австралии. Отмечается, что Австралия традиционно воспринимала АТР как потенциальную угрозу для своего существования, с одной стороны. И, одновременно, как важного торгового партнера — с другой. Причины формирования прозападной политики Австралии объясняются через призму исторических предпосылок.

Ключевые слова: АТР, Австралия, образ врага, нестабильность, неореализм.

Внешнюю политику Австралии на ранних этапах ее становления пронизывали мотивы опасности и изоляции, что в свою очередь приводило к постоянному поиску и построению системы, ключевая цель которой состояла в обеспечении безопасности австралийского континента. Содержание этой политики определялось двумя основополагающими принципами: необходимостью поддержания постоянной связи с Британской империей, призванной осуществлять стратегическую защиту от Азии, и стремлением к наращиванию торговых обменов и развитию сотрудничества со странами АТР. На практике упомянутый дуализм выражался в использовании тактик сдерживания и сотрудничества, реализма и либерализма.

Основой внешней политики Австралии в тот период стала концепция сдерживания, которая была призвана обеспечить обособленность и безопасность континента. Для достижения этой цели Австралия постоянно стремилась к морской и сухопутной защите со стороны Великобритании, проводила дискриминационную миграционную политику по отношению к неевропейским переселенцам, широко использовала экономический протекционизм путем введения таможенных барьеров¹. Методы, в основу которых легло четкое разделение на «мы» и «они», должны были обеспечить полную защиту и безопасность континента. Результатом стало появление колониализма особого рода, характеризовавшегося попытками целых поколений политических лидеров воспрепятствовать доступу на континент и вообще в АТР силам антибританской направленности. Примером может служить поддержка аннексии Великобританией островов в южной части Тихого океана, равно как и поиск дипломатического признания контроля со стороны Австралии над близлежащими к ней территориями.

Важно подчеркнуть, что австралийский империализм в корне отличался от британского или американского. Если британская или американская экспансия имели в своей основе миссию нести европейскую цивилизацию в отдаленные части планеты, то австралийцев мотивировал извечный страх перед вторжением извне. К. Хэнкок писал в

Сова Владимир Константинович, аспирант Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток).
E-mail: reallycansaliery@mail.ru.

своей книге об Австралии: «...всё, что они хотели — это безопасность, и в их понимании последняя достигалась путем изоляции»².

Представление о регионе при этом было весьма схематичным и поверхностным. Называя его «тихоокеанским и дальневосточным», австралийцы абстрагировались от глубоких исследований его культурных или исторических корней, придавали ему исключительно геополитический смысл и воспринимали его как источник угрозы и объект западного империализма.

В период между войнами знания Австралии о регионе оставались крайне ограниченными, а понимание процессов, происходящих в нем, туманным и неадекватным. В австралийских школах и университетах отсутствовала дисциплина, связанная с изучением АТР, которое осуществлялось в рамках курса истории Европы. «Азия» не была самостоятельным субъектом истории, ее рассматривали как некий объект, тесно связанный с завоеваниями и открытиями европейской цивилизации. Для ведения политических дебатов о внешней политике по отношению к Азии отсутствовала необходимая информационная база. Более 85% новостей, касающихся АТР, приходили из Лондона, 12% из Нью-Йорка. Политический дискурс того времени был пропитан ксенофобией по отношению к региону. У Австралии не было собственных посольств в регионе, отсутствовал какой-либо отлаженный механизм сбора и анализа информации о событиях за рубежом.

В 1930-х годах в отношении Австралии к АТР стало заметно некоторое усиление мотивов сотрудничества и продвижения либеральных ценностей. Регион начал рассматриваться как партнер для торговли и объект развития. Прогрессивные идеи активно защищались академической группой, в которую входили преимущественно экономисты и политологи, работавшие в Австралийско-азиатском центре, Центре изучения международных отношений в Тихоокеанском регионе, а также в Австралийском институте международных отношений.

К концу 1930-х годов развитие торговли со странами АТР оставалось важным элементом внешней политики Австралии, однако внимание политиков стала все больше привлекать военная угроза, постоянно нараставшая в регионе. Самые большие опасения были вызваны действиями Японии, которая начала проводить политику военной экспансии. В сложившейся ситуации специалисты по АТР стали более востребованными. Многие специалисты-политологи были наняты для работы в правительственном аппарате. Их знания использовались в новом контексте — не для развития торговли, а в разведывательных целях, для упрочения безопасности страны. Еще в середине 1930-х годов в Австралии был создан особый независимый Департамент по внешним связям. Подобные службы существовали и прежде, но всегда входили в состав более крупного ведомства, которое было их «заказчиком». По словам специалистов, «новый департамент был необходим для предоставления советов по развитию отношений и сотрудничеству в АТР, регионе, в котором Япония стала столь пугающей»³. Благодаря новому департаменту официальные связи Австралии с окружающим миром начали быстро расширяться. В 1940 г. был установлен ряд прямых дипломатических контактов со многими странами мира, прежде всего с США, Японией и Китаем. Дипломатические миссии были открыты также в Новой Каледонии (1940), в португальской части Тимора (1941), Малайе (1941), СССР (1943), Индии (1944) и Новой Зеландии (1944). Новый департамент включал следующие секции: Юго-Восточная Азия, Восточная Азия, Юго-запад Тихого океана, Австралийско-новозеландский секретариат. Он также включал в свой состав Дальневосточную комиссию по союзническому контролю Японии. Такая детализация задач в недрах созданного ведомства подтверждала значимость углубления знаний об АТР для полноценного функционирования внешнеполитического аппарата государства.

Изучение современной политики Австралии в Восточной Азии дает возможность выявить и понять сложившиеся на протяжении десятилетий модели отношений в рамках быстро растущего региона.

После распада в 1991 г. Советского Союза рассматривать коммунистическую и советскую угрозу в качестве главной опасности для Австралии стало безосновательным. Не прошло и года со времени истерической реакции правительства Роберта Хоука (1983–1991) на действия Ливии и СССР в Тихом океане, как министр иностранных дел того же правительства смог заявить о бесследном исчезновении вражеских сил на юге Тихого океана⁴.

В отсутствие главного противника в холодной войне австралийцам вновь пришлось пуститься на поиск образа «нового чужого, стоящего у ворот и угрожающего национальной безопасности». Угроза могла исходить из разных источников. Ислам, иммигранты, мировой терроризм, СПИД, экономическая отсталость в разное время в той или иной мере олицетворяли собой образ такой угрозы в международной политике Австралии в 1990-е годы. В 1950-е и 1960-е годы главная роль врага отводилась все же преимущественно отдельным, определенным государствам. Такими врагами последовательно были КНР, Индонезия, Северный Вьетнам и Советский Союз. В 1986 г. разработчики оборонительной стратегии Австралии сделали вывод об «отсутствии отчетливо выраженной угрозы масштабной прямой атаки», а наиболее вероятная опасность исходила теперь, с их точки зрения, от «непредвиденных обстоятельств и низкого уровня организации»⁵. По-прежнему опасаясь Китая и прочих традиционных военных противников, австралийские стратеги сконцентрировали основное внимание на появляющихся угрозах невоенного характера. В соответствии с основными положениями Белой книги по обороне 1994 г. «Защищая Австралию», этническая и национальная напряженность, экономическое соперничество, обманутые ожидания благосостояния, религиозные и расовые конфликты или иные проблемы могут привести к нестабильной и потенциально опасной стратегической обстановке в Азии и Тихом океане в ближайшие 15 лет⁶.

Главным носителем идеи «опасности» стало не какое-то определенное государство, а достаточно размытая региональная «мозаика ненадежности»⁷. Теперь вместо очевидной военной угрозы опасения вызывали размытость границ, разрушение территориальной целостности, слом старых моделей геополитической организации. Утратив ощущение неотвратимости четко представляемой угрозы экспансии Китая или СССР, новая модель «внешнего врага» относилась целиком к АТР, который стал теперь носителем идеи «чуждости» и опасности. Обновленное восприятие региона как угрозы требовало защиты территориальных границ государства посредством отделения «нас» от «них». АТР стал восприниматься как геополитический «котел», из которого в любой момент мог вырваться крупный конфликт⁸. Политических деятелей стали беспокоить военная модернизация Китая, растущий национализм и милитаризм в Японии, быстрые экономические изменения в Тихом океане, усиливающийся протекционизм в ЮВА, растущая «нестабильность» в Южно-Китайском море и ускоряющаяся «гонка вооружений» в Азии⁹. Однако вопрос о том, почему столь разобщенные и вроде бы не связанные между собой факторы были включены в единый перечень очагов региональной нестабильности, постоянно игнорировался современными стратегами и оставался без ответа. Объединяя вышеназванные явления в единую категорию «чуждости и враждебности», австралийцы зачастую увязывали их между собой искусственно. Под определенным углом зрения, взятые в совокупности, эти факторы могут восприниматься как угрожающие безопасности Австралии¹⁰. Однако такая трактовка ситуации и вызванная ею защитная реакция не являются само собой разумеющимися. Можно, взглянув на вещи с более оптимистической точки зрения, ожидать и менее апокалипсического восприятия так называемой региональной нестабильности. Достаточно заметить, что стремительные исторические изменения, произошедшие в последнее время в азиатских и тихоокеанских обществах, носят закономерный характер в расширяющейся и глобализующейся мировой экономике. Можно было бы постараться в новых условиях увидеть интересные возможности для созидательной дипломатии. К сожалению, «оборонительно-охранительное» мышление австралийцев в очередной раз не позволило отойти от привычного рефлекса вытеснения, пере-

несения большинства современных мировых проблем на область вне государства, определяемую как «их регион».

Верные западной концепции международных отношений, современные политические деятели в конце XX в. избрали неореалистическое объяснение причинам экономического спада и потери Западом мировой гегемонии. Выдвигая неореалистическую концепцию, известный американский экономист Чарльз Киндлбергер доказывал, что единичная, господствующая сила (США) абсолютно необходима для международной экономической стабильности. Она является предварительным условием последней, отсутствующим в настоящий момент в международной политике в связи с появлением в ней новых центров силы (таких, как Япония и Западная Азия). Процесс мультипликации центров силы не только потребовал болезненных корректировок политического курса многих государств, но породил вероятность возникновения серьезных конфликтов, включая ознаменовавшую 1990-е годы напряженность между США и Китаем. Выдвинув свой тезис, Киндлбергер показал, что во времена холодной войны США предоставляли «общественные блага» порядка и международной стабильности, обеспечивая тем самым необходимые предварительные условия для развития Западной Азии. Груз всех связанных с этим расходов несоразмерной ношей лежал на Соединенных Штатах как на гегемоне. В условиях экономического спада нести эти расходы, оставаясь толерантными по отношению к протекционистской промышленной политике стран региона, стало для США обременительным. Это ознаменовало начало периода нарастания напряженности в торговых отношениях и породило опасность потенциального конфликта¹¹.

Обеспокоенность неореалистов была положена в основу современных австралийских дебатов по вопросам безопасности. Сложившееся положение хорошо отражено в трудах Пола Дибба, правительственного советника и ведущего австралийского аналитика по вопросам обороны, защищавшего тезис о необходимости развития в Азии механизмов «уравновешивания сил». Для Дибба «необузданное соперничество между азиатскими державами вполне может перерасти в доминирующую тематику XXI в., в которой кроется опасность того, что тихоокеанская эра закончится масштабной войной в Азии двумя-тремя десятилетиями позже». Доказывая, что правительства его страны «слишком расслабились в вопросе безопасности», Дибб нацелил свою критику на вновь становящийся актуальным либеральный, многосторонний подход австралийской внешней политики. «Ни рынок, ни информационная революция, — писал Дибб, — не разрешат старой вражды, расовой ненависти, религиозного фанатизма или территориальных амбиций». Только посредством «поддержания равновесия сил мы сможем поддержать международный порядок и не допустить, чтобы Азия погрузилась в хаос»¹². Будучи по своей природе далеким от многополярного, «порядок», о котором вел речь Дибб, являлся, очевидно, американоцентристским. Дибб считает, что при обострении дестабилизирующей борьбы за власть между Индией, Японией и Китаем, «только Соединенные Штаты смогут обеспечить искомое равновесие». Порядок и стабильность, таким образом, равнозначны гегемонии США. Тихоокеанская эра является скорее призывом к оружию, чем поводом для празднований — порядок должен быть восстановлен, американская мощь возрождена, а Азия отодвинута на свое прежнее место «чужого». Работы Дибба изобилуют радикальными обобщениями об особом характере «азиатских» обществ. Дибб оправдывает традиционные взгляды на «Азию» как на угрозу. Он отмечает, что «ценности государства и личности в Азии не так устойчивы перед идеей войны и конфликта, а вот примат государства такой же, как и в западных демократиях». В действительности именно Запад, а не Азия, был в прошлом «не так устойчив перед идеей войны», разрабатывая и используя оружие массового поражения. То, что аргументы в духе классического ориентализма воспроизведены «ведущим» австралийским аналитиком по вопросам обороны, говорит о том, насколько явно обскурантистские идеи еще живы в Австралии на рубеже XX и XXI веков.

Результатом разнообразных современных попыток анализа положения в регионе с позиций реализма и неореализма стало стремление сохранить и укоренить австралийскую внешнюю политику на устаревшем принципе жестко проведенных границ. И это в эпоху постоянно меняющегося мира, когда мощные миграционные, информационные, финансовые транснациональные потоки сделали существование таких границ крайне проблематичным. Современная доктрина безопасности Австралии сформулирована вопреки и наперекор наблюдаемой мощной динамике очевидного разупорядочивания и переупорядочивания новейшей системы мироустройства.

Созданная на основе приведенных выше идей, современная концепция доктрины национальной безопасности Австралии неизбежно должна была стремиться влить новые силы в дряхлеющий западный альянс, делая акцент на укреплении уверенности в собственных возможностях, масштабной программе вооружений, не забывая при этом перспективы зарождающегося сотрудничества в области безопасности между Австралией и государствами Юго-Западной Азии.

Мнение о том, что Австралии необходимо иметь независимую, самодостаточную оборонную доктрину было высказано еще в 1970-е годы, при правлении П. Фразера. Однако ее реализация на уровне официальной политики так и не осуществилась вплоть до издания Белой книги по обороне в 1987 г. Начиная с конца 1980-х годов концепция уверенности в собственных силах стала центральным элементом политики в области обороны. Однако используемое в Австралии определение «уверенности в себе» не сделало положение этой страны более независимым от ее западных союзников. Напротив, оно основывалось на развитии оборонного потенциала, наращивании технического арсенала средств для противостояния внешним военным угрозам в контексте длительного альянса с США¹³. Эта противоречивая политика «уверенности в себе в рамках альянса с США» вытекала из представления о том, что Австралия может по-прежнему рассчитывать на протекцию США для обеспечения собственной безопасности в АТР, однако, не постоянно и не повсеместно. Как заявил с гордостью министр обороны Австралии Ким Бизли в конце 1980-х годов, «наши союзники отводят нам более важную роль в регионе по мере того, как их ресурсы сокращаются», и доверяют, таким образом, Австралии «долю ответственности за происходящее в регионе». После того, как США «покинули» Азию, Австралия заняла их место «от имени и по поручению» западного альянса. Вопреки росту экономической взаимозависимости в рамках АТР, австралийцы не смогли расстаться с чувством экзистенциальной тревоги и географической отчужденности, пропитавшим австралийское восприятие международных отношений со времен колонизации. Правительство П. Киттинга заявляло о наличии независимого дипломатического стиля, однако содержание его политики сводилось к попыткам должным образом интегрировать Австралию в американскую глобальную стратегическую сеть. Приход к власти консервативного правительства Джона Ховарда (1996–2007) еще более активизировал сближение между США и Австралией, доказательством которому стала, к примеру, плановая модернизация разведывательной станции «Пайн гэп» и наращивание военного сотрудничества между Австралией и США. Подобные инициативы свидетельствуют о попытках «вливания новой крови» в западный альянс в АТР. Тем не менее, такое «омоложение» альянса не является ни бесспорным, ни беспроблемным. Политические деятели сегодня демонстративно провозглашают «сохранение западной ассоциации наций», но даже само понятие идентичности, сформулированное таким образом, еще недавно считавшееся аксиомой, в современном региональном контексте становится все более хрупким и эфемерным. Австралия в своем национальном самосознании, как и прежде, «с волнением располагается на западной границе»¹⁴. Обратившись вновь к традиционной геополитической трактовке идентичности, авторы современной оборонной концепции занялись «строительством и сохранением Запада» во времена, когда сама эта идентичность испытывала все большее давление.

Результатом внутренне противоречивой попытки сохранить «Запад» в качестве основы австралийской идентичности стала масштабная программа наращивания вооружений, начатая в 1990-е годы лейбористским правительством Киттинга и продолженная консервативным правительством Ховарда. Объявив о широкомасштабной программе военного кораблестроения и модернизации систем вооружений дальнего действия, Белая книга 1987 г. описывала программу как «самое значительное капиталовложение в оборону в австралийской истории мирного времени»¹⁵. Ким Бизли, лидер лейбористской партии Австралии в 2005–2006 гг., заявил однажды американской аудитории, что программа вооружений позволила Австралии раздвинуть «технические границы, чтобы дать возможность менее чем одному проценту населения Земли защитить 12% ее поверхности». Таким образом, обращаясь к традиционному взгляду на безопасность с военной точки зрения, понимаемую как охрану границ собственной территории перед лицом внешних военных угроз, австралийские стратеги прибегли к новейшим технологиям в области вооружений для противостояния во многом надуманным угрозам, якобы существующим в регионе. В этом и состоит новизна оборонной политики Австралии рубежа веков, нацеленной на подавление не конкретного известного противника, а факторов ненадежности, в одержимости технологиями и прославлении прогресса как средства победы над силами беспорядка.

Явно милитаристская сущность современной военной доктрины Австралии расходится с официально заявленными рациональными основами современной дипломатии, предполагающей построение представительных международных организаций в АТР¹⁶. Как отмечалось, военные продолжают подготовку к обороне от региона, с которым их же дипломаты пытаются найти общий язык. В период растущей экономической взаимозависимости и глобализации капитала, технологии и культуры австралийские стратеги упорно следуют оборонной программе, построенной в традициях реализма, которая не принимает во внимание сложность и многоуровневую природу современных факторов насилия и нестабильности. Эта программа ориентирована на национальное государство и трактует сложные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе упрощенно и однобоко, исключительно с геополитической точки зрения. По словам Кима Бизли: «Мы не обращаемся к сложному политическому, экономическому, культурному и социальному своеобразию наших соседей. Мы судим не по этим характеристикам: мы обращаемся к простым географическим фактам, в свете того, что нам говорит история об уязвимости нашей территории».

Сведя многоплановость региона до столь узких геополитических представлений, оборонный истеблишмент Австралии оказался неспособным понять важность происходивших в регионе процессов самоопределения, демилитаризации, деколонизации, межкультурных обменов, угрозы уничтожения природных ресурсов и экологической деградации. И это далеко не полный перечень вопросов, которыми могла бы озаботиться современная содержательная политика в области безопасности в опоре на устойчивое развитие. Не то чтобы упомянутые вопросы вовсе не поднимались австралийцами, но всякий раз они ссылаются на «региональную ненадежность» и угрозу суверенным границам Австралии, мотивируя необходимость контроля с помощью традиционных милитаристских средств. Узость геостратегического мировоззрения надолго стала основой военного планирования Австралии и положена в основу ее оборонного сотрудничества с АСЕАН, начатого в 1989 году.

Для современных австралийских политиков это оборонное сотрудничество опирается на концепцию создания военных альянсов на сугубо двусторонней основе¹⁷, которая считается основополагающей для обеспечения безопасности. Развитая сеть двусторонних связей рассматривается в качестве фактора, способствующего установлению «прозрачности» и «доверия» между военными ведомствами региона. Насущная потребность в выстроенных отношениях подкрепляется беспокойством, разделяемым Австра-

лией, АСЕАН и США по отношению к Китаю с его растущей экономикой и военной мощью¹⁸. В более широком плане, политика «стратегического партнерства» с АСЕАН возникла на почве обозначившихся в АТР тенденций к переделу территорий. Говоря о сотрудничестве с соседями, военное ведомство было вынуждено делать заявления о «благоприятности» окружения Австралии в регионе для создания коллективной безопасности. Одновременно с этим усиление в АТР борьбы за самоопределение, тенденций религиозного фундаментализма, все более серьезные экологические проблемы, усугубляющиеся социальные трения и разрушение прежних экономических связей вызвали у австралийских военных немалое беспокойство.

В качестве основной цели сотрудничества в области обороны Канберра предложила концепцию «региональной устойчивости». Выстроенное на таком основании австралийское оборонное сотрудничество с АСЕАН является фактором сдерживания угроз в отношении территориальной целостности и государственной идентичности. Мобилизуя силы для борьбы с общим врагом — беспорядком и нестабильностью — правительства стран региона пытаются контролировать строго поделенное на зоны политическое пространство. Предложенный подход хорошо согласуется с принципом невмешательства во внутренние дела соседних государств, положенным в основу партнерства в рамках АСЕАН. Он же объясняет обстановку строгой секретности вокруг подписания Договора о безопасности между Австралией и Индонезией. В таком контексте региональная «интеграция» и «кооперация» должны пониматься как инструменты управления регионом на межгосударственном уровне, находящиеся в руках региональной политической элиты и дающие последней возможность достижения сформулированных выше целей. Практикуемые сегодня в АТР методы военного сотрудничества являются очередной попыткой создать геополитически упорядоченное объединение суверенных государств и рыночных экономик в зоне Тихого океана. В своем стремлении к надежности, предсказуемости и стабильности военные стратеги попытались создать четкую, строго разграниченную территориальную сеть стабильных национальных государств. Однако история всей западной геополитики не раз показывала, что идеальная международная модель невозможна, любое теоретическое построение оказывается уязвимым перед лицом беспорядочных и быстротечных процессов разнородного человеческого сообщества. Нескончаемые попытки достижения долговременной «безопасности» всегда сталкиваются с непокорными элементами, не признающими установленные кем-либо границы. И вновь возникает необходимость геополитического насилия.

Геополитика отразилась в расширении военных связей Австралии с режимом Сухарто в 1990-е годы. В целях его оправдания в очередной раз сослались на необходимость поддержания регионального «порядка» и «стабильности». В тот период Индонезия проводила больше совместных военных учений с Австралией, чем какая-либо другая страна, что было обусловлено последовавшим за кровавыми репрессиями в Дили решением США о закрытии программы подготовки специалистов для индонезийской армии¹⁹. Проводя совместные учения с Индонезией, австралийский военный истеблишмент не разделял ни обеспокоенности США соблюдением прав человека, ни их сомнений относительно излишнего сближения с репрессивным, авторитарным режимом. Подписание в 1990-е годы австралийско-индонезийского соглашения о военном сотрудничестве стало печальным апогеем усилий Австралии в этом направлении. Хотя это соглашение в основном лишь формально закрепило существовавшее с давних времен сотрудничество в области безопасности между двумя странами, во втором его пункте говорилось о проведении двусторонних консультаций и рассмотрении возможности совместных действий в случае «враждебных вызовов» по отношению к одной из подписавших сторон. Такая формулировка говорит о принципиально новом уровне обязательств между оборонным истеблишментом Канберры и военными лидерами Джакарты. Неоднозначность термина «враждебные вызовы» породила вопрос о том, не сможет ли это привести к прямому использова-

нию австралийских войск для подавления внутренней оппозиции и инакомыслия в соседней стране. Однако индонезийские военные не раз показывали себя способными выполнять такую задачу без посторонней помощи, поэтому большее опасение вызывали учения, проводимые в Австралии с участием индонезийских подразделений, которые впоследствии использовались для жестокого подавления внутреннего инакомыслия и сепаратистских движений в их стране. Узко трактуя региональный «порядок» и «стабильность», австралийские лидеры хранили молчание относительно этических дилемм, возникших в результате так понимаемого «оборонительного» сотрудничества, таким образом связав себя с репрессивными государственными элитами на территории АТР.

Уверенность в собственных силах, поддержка Запада, высокотехнологичное обновление австралийских оборонных мощностей и военное сотрудничество с регионом определяют современную стратегическую ориентацию Австралии, нацеленную на восстановление пошатнувшейся в 1990-е годы стабильности ее внешней политики. Несмотря на попытки восстановить уверенность, присущую прошлому, кризис западной геополитики продолжает разрушать основы западной теории международных отношений. Австралийско-малазийские отношения и периодически возникающая в последние десятилетия напряженность между двумя странами наглядно иллюстрируют кризис исторических и культурных представлений во внешней политике Австралии.

Напряженность между двумя странами стала следствием нескольких, на первый взгляд, незначительных событий, таких, как представление Малайзии в австралийских СМИ и характеристика Полом Киттингом премьер-министра Малайзии Махатхира как «непокорного» после его отказа посетить саммит АТЭС в Сиеэте²⁰. Реплика Киттинга, однако, вызвала серьезный гнев со стороны Махатхира, известного поборника «азиатских ценностей», политика которого находила и находит много сочувствующих среди политической элиты АТР.

Малазийский лидер открыто призвал страны региона сплотиться против индивидуалистической и «декадентской» культуры Запада и его СМИ, которые, согласно Махатхиру, тенденциозно и неуважительно представляют восточный мир, то и дело возвращаясь к колониальной риторике прошлых лет. В противовес Западу с его повышенным уровнем преступности, сексуальной распушенностью и разрушающимся институтом семьи Махатхир приписывает Азии созидательно объединяющее культурное наследие, основанное на этике упорного труда, социальной интеграции и семейных ценностях. Согласно Махатхиру, именно эта этика обусловила возможность недавнего экономического скачка Восточной Азии. Суверенная идентичность приписывается Азии, а не Европе, и Запад рассматривается как опасный и нестабильный «чужой». Конфуцианство, а не протестантское христианство, является источником этики современного мира, восточноазиатские, а не американская и западноевропейская экономики представляют собой растущие центры мировой экономики. Этот переворот категорий отражает альтернативный взгляд на современность со стороны консервативных обновляющихся восточноазиатских элит, которые, стимулируя высокоскоростную индустриализацию, одновременно пытаются отвести разрушительные последствия индивидуализма, сопровождающие ее процесс. Этот альтернативный взгляд основывается на органичном видении общества, где государство рассматривается как хранитель национального единства в противовес либеральному индивидуализму Запада²¹. Новое, сложившееся на рубеже веков видение ситуации сопровождалось значительным внутривнутриполитическим эффектом, восточноазиатские правительства натурализовали свое авторитарное правление, апеллируя к почтенной традиции «авторитета и иерархии» в азиатской цивилизации. Меняя полярность в оценке «своих» и «чужих», Запада и Востока, восточноазиатские политики пытаются сегодня, как и их визави в западных индустриальных странах, упрочить собственную идентичность и обрести чувство безопасности в ненадежном мире с быстро разрушающимися старыми моделями глобальных политических отношений.

Будучи далекими от того, чтобы бросать вызов традиционной геополитике, Махатхир и его последователи пропагандировали своеобразно осознаваемую ими собственную идентичность точно так же, как Австралия свою.

Столкновение произошло на фоне обеспокоенности Австралии растущей уверенностью Малайзии в собственной экономической и политической мощи. Малайзия стала примером «колониального чужого», отвечающего Западу, меняясь с ним ролями, на его собственном языке. Под сомнение была поставлена, таким образом, сама суверенная идентичность Запада. Заявление бывшего премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю о том, что Австралия быстро превращается в «белый мусор в Азии», больно задело самолюбие австралийцев, и кризис стал набирать обороты²². Высказывание Ли поставило под сомнение традиционно доминирующую геополитику, дающую возможность Австралии испытывать иллюзорное ощущение основной, богатой, развитой нации в недоразвитом, нищем регионе. Оно разрушило свойственное западной идентичности чувство в некотором смысле врожденного, расового превосходства, на котором долгое время подсознательно основывалась австралийская внешняя политика.

-
1. *Campbell P., Mills R.* Studies in Australian Affairs. Melbourne, 1929. P. 215.
 2. *Hancock W.* Australia (1930). Sydney, 1945.
 3. *Millar T.* Australia in Peace and War External Relations since 1788. Canberra, 1991. P. 6.
 4. *Camilleri J.T.* Emerging Human Rights Agenda Australia's Response // *Interdisciplinary Peace Research*. 1989. № 1. P. 111.
 5. *Dibb P.* Review of Australia's Defense Capabilities. Canberra, 1986. P. 2–7.
 6. *Defending Australia: 1994 Defense White Paper* / Australia Department of Defense. Canberra, 1994. P. 8.
 7. *Campbell D.* Writing Security United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Manchester: Manchester University Press, 1992. P. 250.
 8. *Richardson J.* The Asia-Pacific Geopolitical Cauldron or Regional Community. Sydney, 1994.
 9. *Shambaugh D.* Pacific Security in the Pacific Century Current History // *Journal of Contemporary World Affairs*. 1994. № 93(587). P. 423–429.
 10. *Ball D., Kerr P.* Presumptive Engagement Australia's Asia-Pacific Security Policy in the 1990s. Sydney, 1996. P. 42.
 11. Цит по: *Gilpin R.* The Political Economy of International Relations. Princeton (New Jersey): Princeton University Press, 1987. 472 p.
 12. *Dibb P.* Towards a New Balance of Power // *Asia Adelphi Paper*. 1995. № 295. P. 70–73.
 13. *Буденкова А.В.* Австрало-американские взаимоотношения: 1983–2004 гг. Красноярск, 2006. С. 24.
 14. *Sylvester C.* The White paper Traling // G. Cheesman and R. Bruce Discourses of Danger and Dread Frontiers Australian Defense and Security Thinking after the Cold War. Sydney, 1996. P. 137.
 15. *The Defense of Australia* / Australia Department of Defense. Canberra, 1987.
 16. *Dalby S.* Security Discourse, the ANZUS Alliance and Australian Identity. 1996. P. 123.
 17. *Иванов А.В.* Тихоокеанские комбинации споры вокруг интеграции в Азии // *Россия в глобальной политике*. 2010. № 4.
 18. *Васильев Л.Е., Локишин Г.М.* Сообщество безопасности в АСЕАН в начале XXI века. М., 2010. С. 36.
 19. *Earl G.* Looming Poll Spurred Signing // *Australian Financial Review*. 1995. Dec. 15. P. 16.
 20. *Robinson R.* The Politics of Asian Values // *Pacific Review*. 1996. Vol. 9. № 3. P. 298.
 21. *Ibid.* P. 309–327.
 22. *Ball W.* Macmahon Act or be the Poor Whites of Asia // *The Age*. 1999. Dec. 10. P. 9.